

События целиком и полностью вымышлены, даже если каждое слово — правда. Имена, персонажи, места и происшествия являются плодом воображения автора, и их не следует смешивать с вашими представлениями о реальности. Сходство с реальными людьми, живыми или умершими, событиями и местами, скорее всего, случайны.

Предисловие к «Фонтану»

Перво-наперво: роман, который вы собираетесь прочесть, чрезвычайно приятный. В нем рассматриваются такие важные темы, как искусство, оригинальность и вкус, а также явления, придающие жизни смысл; а еще в ней есть определенное количество похоти, крови и насилия (которое, возможно, кого-то удивит) — но все же эта книга поистине увлекательна и смешна. Подлинный юмор должен очень цениться в литературе. Наша культура стала бы лучше, если бы наши серьезные писатели научились писать смешнее.

Дэвид Скотт Хэй действительно очень остроумен. Кто, кроме человека с неудержимым стремлением к едкому смеху, с таким странноватым черным юмором в духе Курта Воннегута и Филипа Дика, смог бы придумать волшебный фонтан в художественном музее, который ненадолго дарует огромный талант? И что этот исполняющий желания волшебный фонтан возвестит о смерти самого искусства, что за магический дар придется расплачиваться унижением, агонией и смертью — и что все это в конце концов окажется довольно забавно? Эта книжка заставляет меня прыскать со смеху, ко-

гда (внимание, спойлер, но на самом деле он ничего не испортит) сбивают маленького мальчика. Весьма ловкий трюк.

Центральный тезис книги — «мы все умрем, окруженные неописуемо прекрасными произведениями» — все-таки довольно тревожен: откровение, апокалипсис; а эта история — апокалиптического, эпического масштаба. За избыточной абсурдностью романа кроется нечто большее, чем толика ветхозаветной серьезности. В романе Хэя много леденящих кровь эпизодов разного рода, эпизодов, которые шокировали меня, и они все еще живы в моей памяти. «Он ласково и нежно проводит по волосам Би когтистой рукой матери Гренделя». Я люблю подобные моменты за их жуткую природу и за частые отсылки к великим древним историям. Главный секрет литературного успеха — мудрое использование аллюзий, а здесь хороших, умных аллюзий немало.

У Дэвида Скотта Хэя кинематографическое чувство времени и ритма. Одна из его сильных сторон — умение мощно, чрезвычайно убедительно двигать повествование вперед. Эта убедительность — необычайный дар, качество, которое мы ценим в повествовании превыше всего. И писатель должен обладать им по умолчанию, ибо приобрести его нельзя: оно бесценно. В книге может произойти почти все, почти в любом виде, без ограничений, пока автор берет ответственность на себя. У Хэя это отлично получается, он без усилий усваивает точку зрения разных персонажей и идет дальше, становясь всеведущим, но при этом предвзятым, ироничным рассказчиком.

Вообще повествовательная стратегия романа очень напоминает свободно перемещающуюся камеру, которая ловко пользуется свободой и убедительностью писателя. Изошренные обороты вроде «Большой Тим смотрит на Дакворта, ожидая указаний, потому что, да ладно, это же гребаный клоун» вызывают у меня восхищение и зависть. Это по-настоящему смешно, а стиль по-настоящему прекрасен, он требует от читателя внимания и пронизательности и является столь непосредственным следствием целостности автора, что это предложение заставило бы меня полюбить любой роман, в котором я его вычитал, даже если бы до этого я был уже не расположен к нему.

Эта книга оставляет ощущение произведения, созданного по вдохновению, а затем отточенного и облагороженного рукой огранщика драгоценных камней. Все связи между многочисленными персонажами на удивление прочны. Замысловато переплетенные сюжетные линии разработаны чрезвычайно умело; говоря «умело», я имею в виду не «тщательно», а «захватывающе», точно так же захватывающ механизм дорогих часов или любого хитроумного устройства. Я высоко ценю восторг узнавания, который испытал, когда встретил в одной главе персонажей, которых уже знал по другой, и понял, кто они и какова их роль в данном эпизоде повествования. Хэй — мастер сюжетной разработки, мне часто хотелось кричать «ура», наблюдая, как ловко он все устроил.

Главный вопрос, который ставит роман: что есть халтура и что есть подлинное искусство. Для исследования этой темы автор «Фонтана» намерен-

но обращается к несерьезной прозе, и это толковая уловка: он просит читателя решить, можно ли критически и язвительно писать о халтурщиках, когда ты сам используешь их орудия: саркастичное остроумие, прилизанную манеру письма, быстро перемещающуюся камеру, гиперактивный сюжет (поскольку настоящие художники, к сожалению, не столь интересны и отталкивающи, как эти люди).

Обычно при обсуждении проблем искусства усваивают скучный и мрачный тон, призванный подчеркнуть серьезность задаваемых вопросов и предлагаемых ответов. Хэй избрал противоположную, гораздо более оригинальную тактику: он создал произведение, которое выглядит как халтура в глазах неподготовленного или незаинтересованного читателя, чтобы исследовать проблему халтуры, мошенничества и имитации. Эта книга — вдохновенное исследование главных загадок нашего вида деятельности, отличающаяся звучным и объемным *ars poetica*. Я снимаю шляпу перед Дэвидом Скоттом Хэем за тот ошеломляющий успех, которого ему удалось добиться, взявшись за очень трудную задачу.

Пинкни Бенедикт
2020

Пинкни Бенедикт вырос на семейной молочной ферме в округе Гринбрайер, Западная Вирджиния. Он посещал Принстонский университет и Семинар писателей Айовы. Опубликовал роман «Псы Господни» и три сборника рассказов, последний из которых — «Чудо-мальчик и другие рассказы». Его работы, среди прочего, выходили в журналах «Эс-квайр», «Зоитроп: ол-стори» и антологиях лауреатов премии О. Генри, премии «Пушкарт», «Новые рассказы Юга», «Апокалипсис сегодня: стихи и проза конца времен», «Антология современного американского рассказа Экко», «Оксфордская книга американских рассказов» под редакцией Джойс Кэрол Оутс. Бенедикт — лауреат литературной стипендии Национального фонда искусств, гранта Иллинойсского художественного фонда по направлению «Художественная литература», двух премий Платтнера от журнала «Эпалэйчиэн херитидж», литературной стипендии Комиссии по делам искусства Западной Вирджинии и премии Нельсона Олгрена «Чикаго трибьюн». Бенедикт преподавал на литературных факультетах Оберлинского колледжа, Принстонского университета, Колледжа Дэвидсона и Университета Холлинса; в настоящее время является профессором Южноиллинойского университета Карбондейл и Университета Куинс в Шарлотте, Северная Каролина.

Эллисон

Мэтью

Мин-Мин

Кавайной девочке

Стивену

Папе + маме

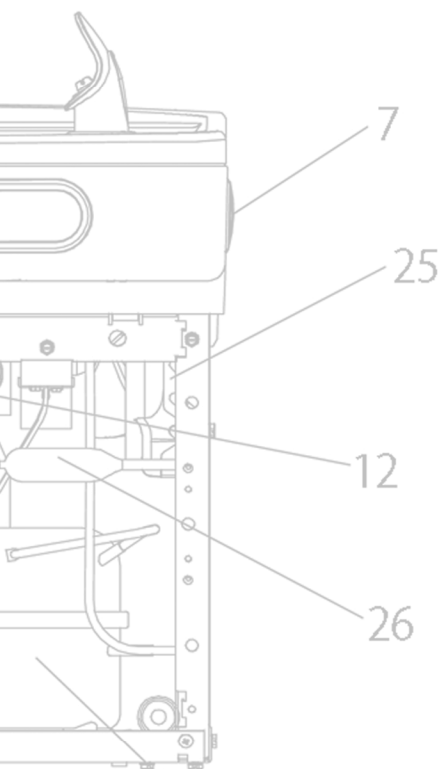
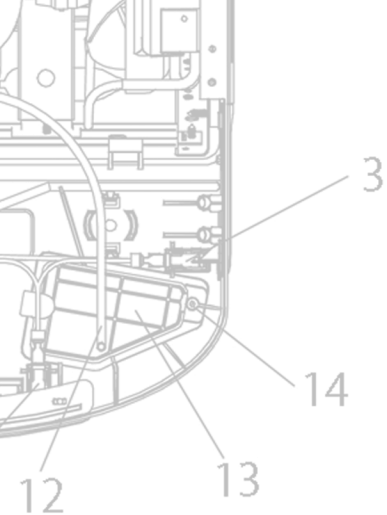

ИСКУССТВО, -а (сущ.). 1. Творческое воспроизведение действительности в художественных образах; творческая художественная деятельность. 2. Отрасль творческой художественной деятельности.

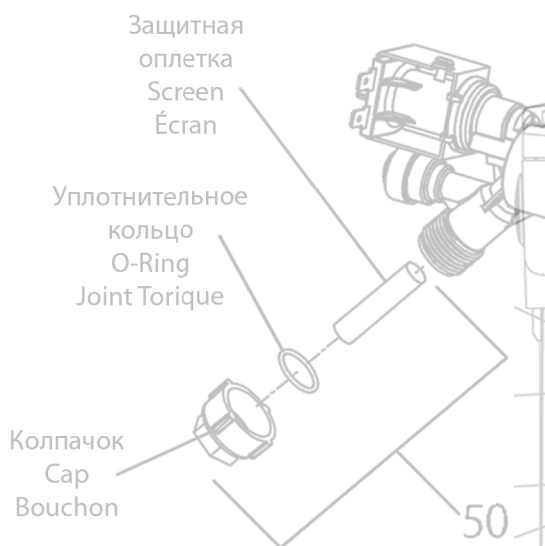
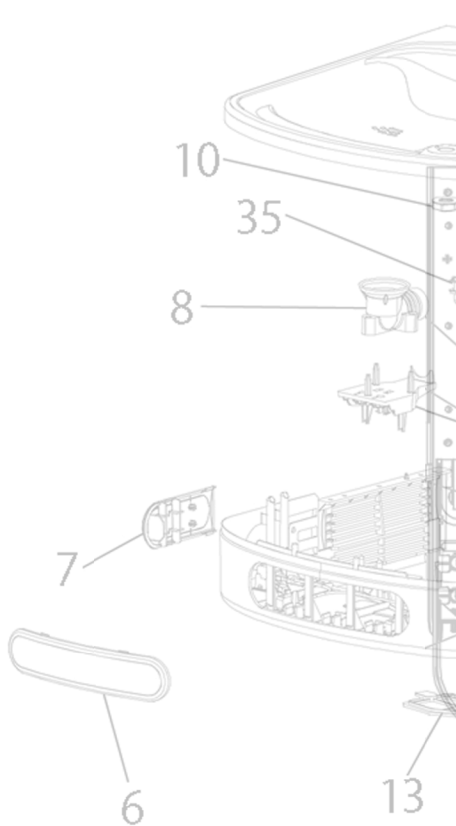
Толковый онлайн-словарь

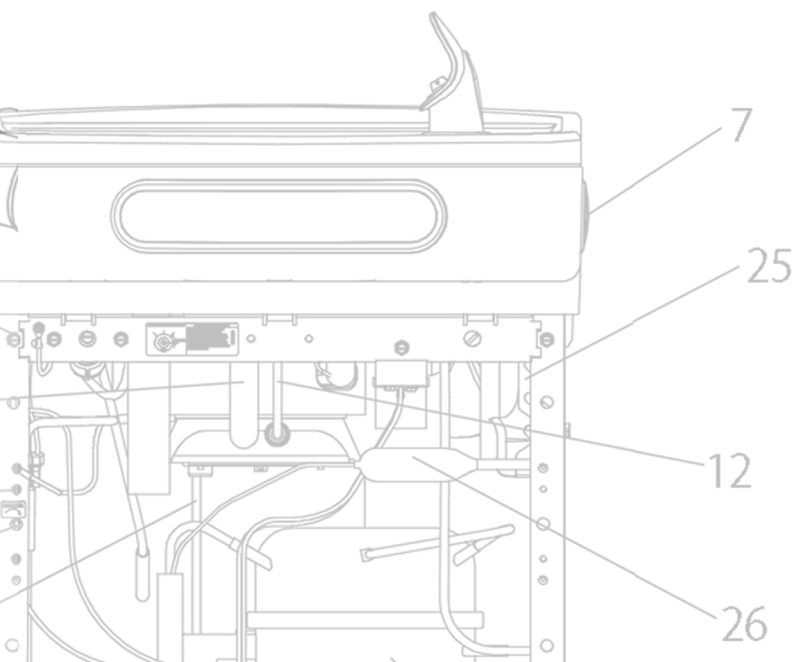
Гребаное искусство.

Харриет Уокер по прозвищу Кувалда

9, 28, 27

7
Защитный
оплотнение
Screw
Écran

Уплотнительное
кольцо
O-Ring
Joint Torque

Выставка

Через шесть минут все изменится.

Эту бомбу соорудил в Музее современного искусства десятилетний мальчик. Она не из покупной шрапнели, запихнутой в кухонный прибор, а из пластилина и разных материалов для детских поделок. Ни одна натасканная на бомбы собака ее не обнаружит. Однако у искусствоведа уже подергивается нос и текут слюнки. Он в состоянии полной боевой. Пока мальчик возится с бомбой, взрослые разговаривают.

— Возрождение, — заявляет критик.

— Возможно, — откликается фотограф.

— Инновация, — говорит критик.

— Может, изобретение? — уточняет фотограф.

— Переизобретение, — поправляет критик, поправляя галстук-бабочку.

Бомба эта метафорическая, но тем не менее бомба. Которая взорвется здесь, в Чикаго, в четверг днем*.

Двое мужчин тихонько переговариваются; оба наклоняются, чтобы получше рассмотреть новоиспеченное произведение искусства. Их шепот разносится по тихому помещению, отражаясь от белых стен (выкрашенных краской «Гардения АФ-10»)

---

* По счастливой случайности классическая эмпбиент-запись Брайана Ино «В четверг днем» звучит 61 минуту.

(Здесь и далее звездочками отмечены примечания автора, а цифрами — примечания переводчика, расположенные в конце книги, на с. 442–446. — *Ред.*)

выставки «Быть художником™» Музея современного искусства в Чикаго, штат Иллинойс. Ее задвинули на второй этаж, подальше от основных экспонатов. Подальше от превознесенного, изученного, прозаичного. Музей — это прославление нового образа мыслей, экспериментов, грез и лет, потраченных на поиски голоса, который бросит вызов существующему статус-кво.

Однако за подношение в размере десяти долларов вы можете войти в эту комнатку на отшибе и стать художником. В вашем распоряжении ведра и лотки с красками и пластиковыми детальками. А еще вас сфотографируют, и снимок повесят на стену. Или выложат на сайте МСИ*.

— Разве это не возрождение? Формы, структуры? — вопрошает, ни к кому конкретно не обращаясь, Джаспер П. Дакворт. Он — младший арт-критик местной газеты «Чикаго Шолдерс»¹. Выполняет «позитивное» задание. Вытянув самую короткую соломинку. — Я сошел с ума?***

---

* С репродукциями немного неясно. Бюджетный дефицит — неизбежное зло.

** Поначалу Дакворт выпускает эту работу из вида. Надо ли вообще присматриваться к этой детской поделке? Сперва он видит дракона или змею, обвиняющуюся вокруг моста. Или мост — это дракон? Затем замечает частично видимую голову воина. Молодое страдальческое лицо с глазами где-то между пафосом и этосом, между рекой и лодкой. Миг между сознательным и бессознательным. Между неведением и наслаждением. Момент, предшествующий оцепенению и прострации. Он изучал фотографии великой войны своего отца. И войны отца отца. Потрескавшиеся, выцветшие снимки; Дакворт узнает само мгновение, но не то, что оно означает, скажем, в современном или художественном контексте. Так начинается причитание Дакворта.